

Глава четвёртая. Судьбоносная встреча

Дни шли один за другим, и Ли Хуа, приходя приносить еду, так больше и не видела Чи Ханьцинь.

Как ни странно, отсутствие девушки в течение нескольких дней заставило Ли Хуа почувствовать некое подобие одиночества. Она никак не могла взять в толк, откуда взялось это чувство, ведь они общались-то от силы полдня.

Если разобраться, для Ли Хуа этот мир, каким бы реальным он ни казался, оставался лишь декорациями из книги. Как бы она ни пыталась успокоить себя, всё вокруг было чужим. Она — Ли Хуа, но, по правде говоря, и не совсем она. Все эти так называемые друзья и родственники были ей совершенно незнакомы. Ли Хуа всегда отличалась хорошей адаптивностью, поэтому она уже привыкла жить с родителями, которые ей не родные, и носить лицо, которое ей не принадлежит.

Однако в моменты одиночества она неизбежно ощущала свою отчужденность от этого мира. Появление Чи Ханьцинь внезапно разрушило эту стену, и дело было вовсе не в её статусе главной героини.

Поначалу Ли Хуа знала её лишь как Цинцин. Они ссорились, недолюбливали друг друга, но тогда Чи Ханьцинь казалась Ли Хуа живой, настоящей, пышущей энергией — такой, какой её невозможно было прочувствовать, просто читая книгу. Ли Хуа словно перестала быть сторонним наблюдателем, а этот мир — простой книжной историей.

В тот момент это осознание было лишь мимолетным. По-настоящему она поймет, что это не вымышленная сказка, а живой мир, сотканный из радостей, гнева и переплетенных судеб, лишь когда произойдет одно важное событие.

Это событие навсегда изменит жизненные пути её и главной героини, и никто не сможет этого избежать. Но пока Ли Хуа ничего не знала. Она всё ещё полагала, что является лишь случайным прохожим в жизни Чи Ханьцинь, который не оставит после себя следа.

Ли Хуа от скуки вертела в руках яблоко. Сегодня в полдень она принесла еду, но обнаружила, что Лань Ин крепко спит — она не услышала ни стука в дверь, ни звука открывающегося замка.

Глядя на темные тени под глазами Лань Ин, которые не могли скрыть даже густые черные ресницы, Ли Хуа не решилась её будить. Раз уж удалось уснуть, пусть поспит подольше, еда в термосе всё равно не остынет.

Поскольку Лань Ин не ела, Ли Хуа не могла уйти. Она села рядом и принялась играть с яблоком. Почему она сама его не съела — об этом она предпочла бы промолчать.

От безделья Ли Хуа стало совсем тоскливо. Она положила яблоко на стол и невольно засмотрелась на лежащую на койке Лань Ин. По правде говоря, своей красотой Чи Ханьцинъ была обязана именно тетушке Лань Ин.

У той были большие миндалевидные глаза, в которых часто светилась нежность и доброта, хотя годы и жизненные невзгоды уже оставили на уголках глаз глубокие морщинки. Под прямым носом был маленький ротик, вокруг которого также пролегли четкие линии.

Она уже не была молода, но всё равно оставалась невероятно красивой.

Синие занавески развевались на ветру, но не могли разогнать летний зной. Жгучий солнечный свет падал на Лань Ин, и она, окруженная этим белым ореолом, казалась почти призрачной, готовой вот-вот раствориться в воздухе.

Наблюдая за этим, Ли Хуа лишь тихо вздыхала.

Она знала: скоро Лань Ин умрет. В будущем эта смерть станет мощным стимулом для главной героини. И хотя за эти дни Лань Ин показалась ей очень приятным человеком, в глубине души Ли Хуа не испытывала сильных переживаний.

Дело было не в черствости. На самом деле Ли Хуа была очень сострадательной. Просто в её подсознании уходящая из жизни Лань Ин была лишь второстепенным персонажем, у которой даже имени в книге не было.

К Лань Ин — да и ко всем остальным, включая Чи Ханьцинъ и своих родителей — Ли Хуа не могла проникнуться по-настоящему глубокими чувствами. Хороший читатель сопереживает героям, но не вкладывает в них душу. Ли Хуа была именно таким читателем.

Погруженная в свои мысли, она вдруг услышала голос:

— Я уснула?

Ли Хуа подняла голову. Лань Ин проснулась. Ли Хуа улыбнулась и кивнула.

— Прости, что доставляю тебе столько хлопот, — Лань Ин с трудом приподнялась. — Давно ждешь?

— Нет, совсем немного, — ответила Ли Хуа и протянула ей контейнер с едой.

Под яркими огнями сцена казалась воплощением блестящей жизни. Все вокруг выглядели такими сияющими, но что скрывалось внутри? Всё давно прогнило и пропиталось фальшью.

Чи Ханьцинь слегка приподняла подбородок, её глубокие миндалевидные глаза изучали мужчин и женщин на сверкающей сцене. Она насмешливо скривила губы и скрестила руки на груди, но тут же поморщилась от боли в ушибленном локте. В её прекрасных глазах на мгновение вспыхнул холодный, пронзительный блеск.

Раздались щелчки затвора фотоаппарата. Чи Ханьцинь приподняла веки, помедлила и обернулась: слева её кто-то фотографировал.

Она поджала губы, но не успела ничего сказать, как человек опустил камеру и направился к ней. Это был весьма неряшливый мужчина. Чи Ханьцинь, страдавшая легкой формой брезгливости, невольно поморщилась.

Мужчина, похоже, осознал свой вид, почесал затылок и широко улыбнулся, обнажив ослепительно белые зубы.

Если бы здесь был кто-то другой, он бы крайне удивился, ведь этого человека звали Ван Ливэнь, и он был одним из лучших фотографов страны, специализирующимся на моде и рекламе.

К сожалению, Чи Ханьцинь была новичком и понятия не имела, кто перед ней.

— Привет, — сказал Ван Ливэнь и протянул левую руку.

Чи Ханьцинь взглянула на него, но не стала пожимать руку, лишь слегка кивнула.

Другой на его месте уже разозлился бы, но Ван Ливэнь был тем еще чудачком: он терпеть не мог назойливых людей, зато к тем, кто ему приглянулся, был невероятно добр. Короче говоря, он был из тех, кто любит, когда его игнорируют.

Кхм, отвлеклись от темы!

— Ты новая модель? — с улыбкой спросил Ван Ливэнь.

— Можно и так сказать, — кивнула Чи Ханьцинь.

— Тогда почему ты... — Ван Ливэнь хотел спросить, почему она не стоит вместе с остальными, но, увидев насмешку в глазах девушки, мгновенно всё понял: её слишком яркая внешность наверняка вызывала зависть и отторжение.

— Э-э... — Ван Ливэнь замялся. — У тебя есть желание сняться в одной фотосессии?

— Хочешь меня принудить? — Чи Ханьцинь окинула его холодным взглядом. — Мне это неинтересно. — Она развернулась и собралась уходить.

— Нет-нет, постой! — Ван Ливэнь бросился за ней. — Я просмотрел кучу людей, но для этой съемки подходишь только ты. Хочешь стать популярной? Обещаю, если согласишься, ты прославишься.

— Я не хочу популярности, — Чи Ханьцинь остановилась. — Я не собираюсь работать в этой индустрии, мне просто нужно заработать немного денег.

— Так в чем проблема? — глаза Ван Ливэня загорелись, он даже подпрыгнул от радости. — За эту съемку хорошо платят!

Чи Ханьцинь с подозрением посмотрела на него:

— Ты точно не...

Не успела она договорить, как он перебил её:

— Да точно нет! Ты хоть знаешь, сколько времени я потратил на поиски подходящего человека? У-у-у, это была настоящая трагедия! — он сделал такое скорбное лицо, что с его бородой это выглядело донельзя комично.

— К счастью, я нашел тебя. Не будем медлить, пошли скорее!

Около четырех часов дня солнце стало менее палящим. Ли Хуа вышла из больницы, потянулась, и тут же на неё обрушился поток солнечного света. Она высунула язык: ох, ну и жара!

Этот город был очень процветающим, уступая лишь столице. Здесь, как и везде, было две стороны: богатство и нищета. Семья Ли Хуа жила неплохо, в обычном многоквартирном доме. Она уже хорошо изучила все пути — и большие проспекты, и маленькие улочки.

Маленькие переулки были гораздо короче, но по вечерам Ли Хуа старалась ими не пользоваться: слишком много темных закоулков, небезопасно. А вот днем — вполне можно.

Хотя, сказав это, она едва не пожалела: человек, внезапно выскочивший из переулка и рухнувший прямо у её ног, напугал её до смерти.

От мужчины разило спиртным, вонь стояла невыносимая. Ли Хуа зажала нос. Что делать с таким пьяницей?

Она была готова расплакаться. Очень хотелось проявить гражданскую сознательность, но она же была одна, хрупкая девушка!

Она присела и кончиками пальцев осторожно ткнула мужчину в спину. Тот лишь пошевелился, но больше никакой реакции не последовало. Ли Хуа выдохнула и обхватила лицо руками: ну вот, теперь и делать ничего не надо.

Она уже собиралась встать, как вдруг мужчина резко выбросил левую руку и схватил Ли Хуа за лодыжку. Потеряв равновесие, она с грохотом повалилась на землю.

Плюх! Даже пыль поднялась в воздух.

Больно!

Ли Хуа прикусила губу, её длинные ресницы дрожали, а глаза наполнились слезами. Ну вот, теперь еще и синяк на заднице будет! Ну что за невезение!

— Ссс! — Она с трудом поднялась на ноги и вдруг заметила, что из-под груди мужчины выглядывает край белой бумажки. Что это? Ли Хуа стало любопытно. Глаза её хитро блеснули, и в голове созрел план.

Приложив немало усилий, она вытянула карточку. Оказалось — визитка, правда, сильно помятая.

Визитка была из дорогого, плотного картона, на ней красовались изящные иероглифы. Ли Хуа долго вглядывалась, прежде чем смогла разобрать: Сюй, Цзюнь, Тянь. Она прочла имя по слогам.

Прочитав, Ли Хуа склонила голову набок, задумалась и тихо повторила имя Сюй Цзюньтянь несколько раз. Внезапно она замерла. Она снова и снова перечитывала надпись на визитке. Не может быть, только не это. Затем она уставилась на спящего у её ног мужчину.

Ли Хуа приняла решение, в которое сама едва могла поверить.

<http://bllate.org/book/21687/2236872>